

УДК 910.1

Ю.Н.Голубчиков, к.г.н., вед. научн. сотр., географический ф-т,
Московский Государственный университет имени М.В.Ломоносова

ПОСТДИСЦИПЛИНАРНАЯ ГЕОГРАФИЯ ПОСТМОДЕРНА

Ключевые слова: гуманитарная география, постдисциплинарность, постмодерн, туризм

Введение. Постановка проблемы. Туризм призывает географию к выходу из дисциплинарных квартир. И это совпадает с переходом общества к его постиндустриальной стадии информационного общества (общества постматериалистических ценностей, цивилизации "третьей волны", постпозитивизма). Все чаще его именуют обществом постмодерна.

Соответствует ли парадигма постмодерна современной географии и ее философской основе?

Анализ последних исследований и публикаций. Философия постмодерна – в релятивизме, в рассмотрении объекта с разных сторон. География, как ни одна из наук, готова к этим новым вызовам. «Важнейшая специфика метода географии, как единой и фундаментальной науки, в том и состоит, что она может ассимилировать исследовательские методики из самых разных областей науки и даже из-за ее пределов – пишет Ю.Г.Тютюник [2013, с. 35].

Постмодерн отказывается от создания универсальных объяснительных моделей, тем более «единственно-верных» теорий. Весь XX век продемонстрировал тщетность их созиданий. Целое и часть рассматриваются в постмодерне как равноправное и равнодостаточное. Любая часть глаза не менее важна, чем сам глаз, без нее он может быть утрачен. Клетка не менее сложна, чем организм или совокупность организмов [Soja, 1990; Ильин, 2000; Coles, Hall, Duval, 2006; Lawrence, 2010].

Эра туризма, постмодерна, эпистемологических и философских исканий усиливают эмоциональные стороны восприятия окружающего нас мезомира. Базировавшаяся исключительно на основе естественных наук ландшафтная парадигма обретает с туризмом гуманистическую глубину. Туризм возвращает пейзажное восприятие ландшафта [Бредихин, 2010; Колбовский, 2011]. Говорится о научно-художественном статусе ландшафтной концепции [Калуцков, 2008]. Идет глубинный гносеологический синтез мировидения, науки и искусства.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Эра постмодерна совпала с невиданной доселе активностью передвижений людей в

пространстве и возросшем вниманием к нему. С туризмом не менее миллиарда человек в мире в той или иной степени стало «стихийными» географами. Даже если туризм осуществляется исключительно ради поиска удовольствий, то и они не проходят без обретения неких географических знаний и географического опыта. Географизацию населения вызвало также появление географических сервисов типа Google Earth и всеобщая вооруженность населения цифровыми аппаратами и навигационным оборудованием.

География стала объектом пристального внимания со стороны налогоплательщика. Теперь каждому открываются возможности участия в «краеостроительстве» своего края, деревни, села, улицы. В целом ряде стран появились "добровольцы по сбору географической информации" ('volunteered geographic information' - VGI). В США говорят о становлении народной науки «citizen science» [Goodchild, 2007; Graham, 2010; Gorman, 2012]. Мы же ее именуем туристической наукой.

Наука о туризме или геотуристика исследует туризм как важный феномен человеческого существования [Голубчиков, Кружалин, 2009]. Но и туристическая наука исследует науку. Интернет, краеведение и массовый туризм вовлекают в процессы научного познания и оценку его выводов широкие массы населения.

Возникающая народная туристическая наука в серьезной степени трансформирует саму науку о туризме. От нее уже не спрятаться за частоколом системно-структурной фразеологии. Туризм становится своеобразной формой отчетности науки перед налогоплательщиком.

В отличие от науки о туризме, туристическая наука, как и Интернет, является стихийным конструированием вовлеченных в туризм личностей. По самой своей сути она призвана преодолевать барьеры между самыми разнообразными дисциплинами, как естественными, так и гуманитарными, как религией, так и наукой. Как же она будет взаимодействовать с официальной научной географией и какие трансформации в последней произведет?

Формулирование целей статьи (постановка задачи). С туризмом идет стихийное возвращение к географии жизненного мира и «незаинтересованного» содержания. Идет открытие структур, по словам Гуссерля, подлинного понимания реального мира, где нам могут открыться новые истины [2013]. Такая феноменология должна положить начало новой географии. Цель статьи — раскрыть гносеологическое значение географии в эпоху постмодерна и выявить ее возможные трансформации.

Изложение основного материала. Постмодерн приветствует наддисциплинарные исследования. Канадским туристико-географом Аллисоном Гиллом они подразделяются на четыре уровня: междисциплинарные, интердисциплинарные, трансдисциплинарные и постдисциплинарные [Gill, 2012]. Не исключено, что предложенное деление

излишне утяжелено и не везде приложимо, но последовать за ним применительно к географии представляется заманчивым.

На междисциплинарном уровне объект исследуют различные науки, но между их представителями не прослеживается реального взаимодействия и перспективы теоретической интеграции [Gill, 2012]. Под видом специализации по проблемам, над одним и тем же объекте выстраивалось несколько предметных дисциплин. Дисциплины близки, но коммуникации между ними слабы. Зато все они охотно привлекают далекие от них методы физико-химических и математических наук, а также более близкие, но разобщенно интерпретируемые ГИС-технологии и методы дистанционного зондирования.

Примером подобного подхода может, наверное, служить исследование верхней 1–2-х метровой толщи грунта. Подходят, допустим, к шурфу почвовед, геоморфолог, мерзлотовед, грунтовед и ландшафтовед. Почвовед рассматривает почву и материнскую породу, на которой сформировалась почва. Он убежден в отличных от других тел свойствах почвы. Заключаются они в ее плодородии. А тем, что еще лучшим плодородием обладает лунный грунт реголит, почвовед не вспоминает.

Подразделяет почвы почвовед, однако, не по плодородию, а по географическому положению. Например, в тундре развиты тундровые почвы, в тайге – подзолистые и бурые таежные, в степи – черноземы, в пустынях – сероземы. «Так классифицировать почвы, как классифицируют их до сих пор, все равно, что разделять животных по цвету, величине и т.д.», – замечал академик В.Р.Вильямс [1936].

Занимающееся земледелием население почти не улавливает дифференциацию почвенного покрова, предлагаемую почвоведом, и чаще делит почвы по своим основаниям (торф, песок, глина, чернозем). Ю.Г. Саушкин приводит пример как огородники озера Неро (Ростов Суздальский) различают 8 своих разновидностей почв, среди относимых почвоведом к болотным и подзолистым. «Эти разности, каждая из которых имеет собственное название, располагаются в следующем порядке, начиная от самой плодородной и до наименее плодородной: 1) «рассадная» земля (для рассады капусты, помидоров, брюквы и других); 2) «огуречная» земля (огурцы, чеснок); 3) «петрушечная» земля (петрушка, пастернак, лук- порей, культура лука-севка и лука на семена); 4) «морковная» земля (морковь, свекла и другие корнеплоды); 5) «луковая» земля (культура лука-выборка и товарного лука-репки, зеленого горошка, бобов); 6) «капустная» земля (кочанная капуста); 7) «цикорная» земля (цикорий); 8) «картофельная» земля (картофель, зерновые культуры). Каждая из перечисленных разностей, отличающихся от других содержанием гумуса, механическим составом, «теплотой, влажностью и другими качествами, имела и свой состав культур. Несомненно, что все эти различия и соответствие почвы тем или иным культурам могли быть

установлены населением только при очень высокой его земледельческой культуре и вековым навыкам в огородничестве» [Саушкин, 1947, с. 167].

Глядя на почвенный шурф, почвовед интересуется прежде всего процессами вертикального перемещения вещества в почвенной толще, которые ведут к ее дифференциации на почвенные горизонты. А вот геоморфолога интересуют в первую очередь процессы горизонтального смещения вещества в той же толще (сползания грунта). Внимание мерзлотоведа привлекают процессы промерзания и протаивания, зимние режимы верхней грунтовой толщи, наличие в ней длительной сезонной мерзлоты. Грунтовед сосредоточен на несущей способности толщи, ее деформационных характеристиках, механической устойчивости. Ландшафтовед, разглядывая шурф, ищет в нем признаки отличий от другого шурфа в другом месте. Они позволяют ему подтвердить правильность выделенных им ландшафтных единиц.

Получается, что разные ученые занимаются одной и той же толщей, а смотрят в разные стороны, не друг на друга. Они пользуются различной терминологией и семантикой, ведущей к дальнейшей фрагментации единого объекта и редукции данных. Разумеется, есть работы на стыках и по почвенному криогенезу, и по почвенно-гидротермическим движениям, но не просматривается общей методологии.

Следующий уровень интеграции Аллисон Гилл именуется «трансдисциплинарным». На нем прослеживаются более интегрированные теоретические, концептуальные и методологические разработки [Lawrence, 2010; Gill, 2012]. Все последние десятилетия на трансдисциплинарную роль географии перемещается центр внимания ведущих географических школ. Президентское послание Томаса Баервальда Ассоциации американских географов (AAG) именуется, например, «Обзор географии как междисциплинарной науки» [Baerwald, 2010] (в понимании Гилла, «трансдисциплинарной»).

Еще более высокому постдисциплинарному направлению присущ методологический плюрализм при определенной теоретической и семантической интеграции. На постдисциплинарном фундаменте выстраивается здание география постмодерна. Она уже не охраняет свои границы с той энергией, как иные науки. Интеллектуальное вдохновение черпается из всевозможных сфер, а в самой географии все больше трудятся ученые из других областей, художники, фотографы, режиссеры, журналисты [Gregory, Castree, 2012, p.xxv–xxvi].

Постмодерн идет дальше и дает право на сосуществование друг с другом не только идеологий, но и разных гипотез. Дискуссии между сторонниками разных точек зрения бесплодны, ибо каждый остается при своем мнении и элементы одной гипотезы редко вливаются в другую. Методолог науки Пол Фейерабенд [27] доказывает, что теория произрастает из имманентной

исследователю мировоззренческой парадигмы. Приступая к исследованиям, ученый уже имеет определенный «скелет» теории. Затем «подгоняет» под нее факты, т.е. полученным в опытах «мясом» фактов «оклеивает» именно этот, избранный им заранее, а не какой-нибудь другой «скелет». Его оппонент теми же самыми фактами подкрепит совсем иную гипотезу, в корне противоречащую первой. «Факты создаются теориями, которые они якобы подтверждают. Идеология определяет, что для нее является фактом, а что – нет» [Горкин, 2010, С. 32].

Но назначение туризма еще шире. Он возвращает в научный дискурс субъекта с его опытом и эмоциональной наполненностью. А это уже революция не в отдельной науке, не в географии только. До этого науки требовали освободить объективную реальность от индивидуальности познающего ее субъекта. Естественные науки заставляли мыслить космическими масштабами, по сравнению с которыми исчезал отдельный человек. Гуманитарные науки принуждали думать идеологией государства, где человек тоже терялся. И вдруг туризм. Даже еще не наука какая-то, а уже всей науке преподает уроки релятивизма. Между безличным и индивидуальным ставит субъекта. Объявляет знание субъект-объектным, реляционным, относительным для разных времен, пространств и народов. Кардинально меняет мирозерцание.

Для понимания ландшафта теперь нужны локусы индивидуальных восприятий. Идет смещение акцентов с объективных регионов на их "самопредставления" – с конструированием определенных образов, с собственными эталонами соционормативной культуры и региональной идентичности [Верменич, 2014]. Эти представления и смыслы не всегда удается вербализовать. Они могут соединяться в некое коллективное чувство тревоги, напряженности, неудовлетворенности, опасности, красоты. А.В.Гладкий [2013] в этом плане отмечает, что обыденные представления людей о пространстве выглядят по-разному и часто представляют реальную ситуацию в более яркой и символической форме.

Так, для жителей городов, особенно крупных мегаполисов имеют значение локализация и функциональная принадлежность территорий, системы связей между ними ("пять минут от метро"). За пределами города, для его жителей начинается другое пространство, которое наделено совершенно другими свойствами и попадает под характеристики бескрайности, однообразия, пустоты. Зато, для сельских жителей пространство существует и за пределами конкретного населенного пункта их пребывания. Они более ярко воспринимают пространство в площади, высотах, протяженности, ориентации, а искусственные ограничения пространства и линии коммуникаций могут ими и не учитываются. Личные контакты при этом распределяют пространство на «свое собственное» и «чужое» [Гладкий, 2013].

Среди виртуальных картин различных субъектов о пространстве и месте главенствуют те, что были когда-то отнесены В.С.Преображенским к бытовой геоэкологии. Это пейзажная аттрактивность, криминогенная обстановка, дифференциация цен, инфраструктурные и экологические условия. Далеко не обязательно вызывают они интерес лишь у местных общин и часто волнуют очень географически далеких пользователей сети. На смену территориальным сообществам идут сетевые, объединяющие самоорганизующиеся социальные общности. Краеведение и страноведение тоже становятся сетевыми.

Появились диссертации, посвященные вернакулярным (обыденным) районам, т.е. частям территории, которые выделяют сами местные жители. Они закреплены в общественном сознании тем, как сами члены общества представляют себе территориальную структуру и каким смыслом ее насыщают "как бы далеко эти представления и смыслы ни расходились со статистикой или "объективной" геометрией территории" [Смирнягин, 2010, С. 81]. Потому что именно согласно обыденным представлениям и смыслам члены общества отражают свою объективную реальность.

"Гуманистические" географы показали, что помимо знания профессиональных географов, есть разнообразное географическое знание непрофессионалов. Любой человек в определенной степени географ. Различие лишь в специальной подготовке. Один учится для географического познания, другой осваивает его спонтанно. Как бы ни оценивали соотношение различных типов географического знания, следует признать, что они относительно самостоятельны и реально сосуществуют. У каждого свои достоинства и недостатки. Их невозможно редуцировать друг к другу. Нет оснований оценивать обыденное географическое знание как некий второй сорт. Равно третируют научно-географическое знание за его динамизм и профессиональную узость. У них различные функции и области приложения» [Николаенко, 2000].

Можно сказать, что наука обеспечивает устойчивость, а туризм изменчивость в познании мира. Подобные соотношения возникали на заре Ренессанса и между религией и наукой. Религия тогда сопротивлялась нарастающей автономии в познании и потому утратила свой престиж и статус. Современной науке тоже следует извлекать уроки из прошлого своего становления и научиться не подавлять новые мировоззрения, а сотрудничать с ними.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Постмодерн мог бы стать философской методологией гуманитарной географии. Заявив о своем естественно-гуманитарном предмете, география постмодерна может не только обрести более серьезное признание, но и выступить лидером постдисциплинарного интеграционного знания. Соответствующая новой эпохе идеология уже выработана в ее недрах и заключена в известной всем

географам парадигме, которую без особых, вероятно, ошибок можно выразить словами: «все связано со всем и между всем прослеживается связь».

Вся система географических наук становится снова все менее дифференцированной на физическую и экономическую географию. Возникает ее новое деление, возвращающее к исходному целому. «Вся совокупность географических наук... подразделяется на две главные части – общую географию, или землеведение, и региональную географию, или страноведение», – пишет ведущий географ современности В.М.Котляков [2011, С. 5].

И вместе с тем время географии еще не пришло. Как не пришло оно для синтеза науки, литературы, искусства и религии. Самая древняя из всех наук - география - сохранила в себе элементы этого утраченного единства, и теперь выступает преддверием грядущего постдисциплинарного знания, лидером нового интеграционного процесса.

Настоящие географы - «последние специалисты по всему», они же «первые представители нового информационного общества». Уже потому, что расположена география на перекрестке самых разнообразных дисциплин, как естественных, так и гуманитарных, как прикладных, так и философских. Собственно говоря, она призвана преодолеть барьеры между ними. И одновременно это дисциплина политическая. Она вбирает в себя самые разнообразные стороны жизни, переплетается со всеми видами искусств.

Список использованных источников

1. Бредихин А.В. Рекреационно-геоморфологические системы. М. – Смоленск, 2010, 330 с.
2. Верменич Я.В. Регионализм в Украине как культурный феномен // Известия РАН. Серия географическая, 2014, № 1. С. 28-35.
3. Вильямс В. Р. Значение трудов В.В. Докучаева в развитии почвоведения // Докучаев В. В. Русский чернозем. – М.-Л.: «Сельхозгиз», 1936, С.5–34.
4. Гладкий А.В. Понимание пространства в географии и туризме: методологические аспекты // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования. Труды VIII Международной научно-практической конференции. Поволжский государственный университет сервиса, 25-26 апреля 2013 года. Тольятти, 2013. С. 61-70.
5. Гоголь Н.В. Статьи. Избранные сочинения. Т. VI. – М.:«Художественная литература», 1986, 544 с.
6. Голубчиков Ю.Н., Кружалин В.И. Геотуристика: методологические и методические подходы // «Курортное дело», 2009, № 2, С.4–10.
7. Горкин А.П. О релятивизме в социально-экономической географии (объективные и субъективные аспекты) // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Г. Дружинина, В. Е. Шувалова/ Материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 4–8 мая 2010 г.). – Ростов-н/Д, 2010, С.32–36.
8. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. М.: Наука, 2013, 494 с.
9. Ильин В.И. Поведение потребителей. – СПб.:«Питер», 2000, 224 с.
10. Калущков В.Н. Ландшафт в культурной географии. – М.:«Новый хронограф», 2008, 320 с.

11. Колбовский Е.Ю. Нерешенные вопросы ландшафтоведения и ландшафтное планирование // «Известия РАН», Сер. географ., 2013, № 5, С. 19–29.
12. Котляков В.М. Современность географии // «Вестник МГУ», Сер. 5 «География», 2011, №6, С.4–12.
13. Николаенко Д.В. Принципы и проблемы исследования философско-методологических оснований. Эволюция западной географической науки. Принципы и проблемы исследований философско-методологических оснований. 2000 / http://krotov.info/lib_sec/14_n/nik/olaenko.htm
14. Саушкин Ю. Г. Географические очерки природы и сельскохозяйственной деятельности населения в различных районах Советского Союза. – М.:«Географгиз», 1947, 424 с.
15. Смирнягин Л.В. Возможности и потребности заимствований теоретических основ западной географии // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Г. Дружинина, В. Е. Шувалова / Материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 4–8 мая 2010 г.). – Ростов-н/Д., 2010, С.78–82.
16. Тютюник Ю.Г. Проблемные вопросы теории культурного ландшафта // Известия РАН. Серия географическая, 2013, №4. С. 34-45.
17. Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.:«Прогресс», 1986, 542 с.
18. Эйнштейн А. Мое кредо. // Собрание научных трудов. Т.IV. – М.: «Наука», 1967, С.55.
19. Ваервальд Т. J. Prospects for geography as an interdisciplinary discipline // Annals of the Association of American Geographers, 100(3), June 2010, P.493–501.
20. Coles T., Hall C. M., Duval D. T. Tourism and post-disciplinary enquiry // Current Issues in Tourism. 2006. 9(4 and 5). Pp. 293–331.
21. Gill A. Travelling down the road to postdisciplinarity? Reflections of a tourism geographer // The Canadian Geographer / Le Géographe canadien, 2012, V.56, Issue 1, P.3–17.
22. Goodchild, M.F. Citizens as sensors: the world of volunteered geography // GeoJournal, 2007, №69 (4), P.211–221.
23. Gorman S. Why VGI is the Wrong Acronym // «Fortius One. Retrieved», 2012, 20 January.
24. Graham M. Neogeography and the Palimpsests of Place // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie, 2010, №101 (4), P.422–436.
25. Gregory D., Castree N. Editor's Introduction // Human Geography. Ed. by D. Gregory and N. Castree. – Los Angeles. London. New Delhi. Singapore. Washington. SAGE, 2012, V.1, P.xxv–Ixxviii.
26. Lawrence R. J. Beyond disciplinary confinement to imaginative transdisciplinarity // Tackling wicked problems through the transdisciplinary imagination. (Ed. V. Brown, J. Harris, and J. Russell). – London: «Earthscan», 2010, P.16–30.
27. Soja E.W. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social theory. L.: Verso, 1990.

Постмодерн пробуждает более широкие гуманитарно-географические исследования интердисциплинарного, трансдисциплинарного и постдисциплинарного характера. Постмодерн стирает дисциплинарную разобщенность и мог бы стать философской методологией географии. По самой своей естественно-гуманитарной сути, география может выступить лидером интеграционного знания.

Ключевые слова: гуманитарная география, постдисциплинарность, постмодерн, туризм

Postmodern can awaken broader human-geographic issues of interdisciplinarity, transdisciplinarity, and postdisciplinarity dimension. Postmodern erases the disciplinary divisions and could be the philosophical methodology of geography. By its very essence, the natural-human unity of geography may be the leader of postdisciplinary integration of knowledge.

Keywords: human geography, postdisciplinarity, postmodern, tourism